

Правые и неправые

Яшви Садхир

Яшви едва дождалась разрешения вождя покинуть тронный зал, но ей хватило ума поклониться перед тем, как развернуться на пятках и вихрем вылететь прочь. Она злилась, кипела и клокотала от сдерживаемой ярости, потому что всю жизнь ее учили терпеть и молчать со смирением и покорностью, что бы ни происходило, но то, что произошло, совершенно выбило ее из колеи. Она только-только немного отошла от поездки в Риван, обернувшейся для нее полным крахом всех ее надежд, она старалась не думать о том, что происходит с Лисами сейчас, и ей это почти удалось, и все ее с таким трудом собранное спокойствие пошло псу под хвост от одной только выходки Калы. Одной, но зато какой. Грива Ворона не успеет отрасти до свадьбы, которая будет всего через месяц. Для любого кочевника хуже нет ничего, чем не уберечь своего коня. Даже если бы Кала посягнула на ее собственные волосы, Яшви бы это не так расстроило - она не конь и не наложница, чтобы гриву отращивать.

В коридоре перед тронным залом толпа служанок и не меньшая толпа сочувствующих наложниц делали вид, что они очень заняты - одни с усердием протирали вазы и рамы многочисленных картин, отряхивали невидимые пылинки с толстых пологов на окнах, вторые старались вести непринужденные беседы, всем своим видом показывая, что оказались здесь чисто случайно и ни разу не подслушивали.

Яшви не обратила на них внимания, в ее жизни и так было уже слишком много наложниц, и повернула в сторону женского крыла. О прогулке она уже и думать забыла, сейчас она не могла разобраться в своих эмоциях и просто бездумно шагала к своим покоям.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн считал, что можно отложить дела до того, как он поговорит с Яшви. Он видел, как сильно ее задела выходка Калы, особенно сейчас, когда от Лис не было новостей, до свадьбы оставался месяц, и все это время Яшви нужно было жить в серпентарии, когда у него самого было все больше дел.

В коридорах кишмя кишели наложницы и служанки: все грели уши и ждали новостей, будто верили, что за эту выходку влетит не Кале, посмевшей вредить Ворону, а Яшви, которая всего лишь отомстила гадине, обрезав ее волосы.

- Яшви, - окликнул Сонгцэн девушку возле ее покоев. Он зашёл следом и закрыл за собой дверь.

Он смутился, потому что не смог сразу подобрать слова, чтобы заговорить с Яшви о том, что случилось. Он бы не поверил, если бы до него дошёл слух, что наложницы попытаются вредить коню Яшви.

- Мне жаль, что так случилось, - сказал он. - Я добьюсь того, что Калы не будет во

дворце.

Яшви Садхир

Что принц шел следом за ней, Яшви поняла только у дверей в свои покои, когда он ее окликнул. До этого она даже не осознавала на эмоциях, что буквально летит, не разбирая дороги, по дворцу, что вряд ли прилично для невесты принца королевской крови, да еще и не одна, а в компании того самого принца. Но Яшви было не до того, как она выглядит в глазах окружающих. Даже лучше, пусть считают ее ненормальной, может тогда перестанут к ней лезть.

Яшви взглянула на Сонгцэна, когда он ее окликнул, но ничего не ответила, рывком распахнула дверь в свои покои и влетела внутрь. Увидела на чайном столике небрежно брошенный туда толстый пучок отрезанных волос, сгребла, замахнулась, чтобы швырнуть в потухший очаг, но потом передумала и перевязала их лентой, чтобы шелковистые локоны не рассыпались до поры до времени.

- Это не вернет Ворону его гриву, - хмуро сказала она. По большому счету, ведь волосы - не уши, отрастут, но пройдет еще очень много месяцев, прежде чем его грива станет такой же, как была. Если вообще станет. Добиваться изгнания из дворца Калы было уже все равно, что махать кулаками после драки, потому что его Величество оставил девушку, а не отослал сразу в Лумбини в монастырь, не сочтя ее проступок достаточным для этого. Похоже, его забавляли подобные выходы гарема, ведь никого же не отравили и не зарезали.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн винил в произошедшем себя. Потому что это он привёл Яшви во дворец как свою невесту и должен был обеспечить ее безопасность, а у него под носом Кала обнаглела настолько, что решила лишиться Ворона гривы. И сейчас пока отделалась из-за этого легким испугом. Поэтому Сонгцэну было сложно сейчас говорить с Яшви, он не знал, как исправить ситуацию.

- Прости, что это допустил, - сказал Сонгцэн. - Я недооценил Калу, не думал, что она будет вредить всерьёз.

Грива отрастет, пусть и не за месяц. Он слышал, что были способы ускорить рост волос с помощью врачевания, но не владел такими техниками. И это волновало его меньше чем риск, что наложницы устроят ещё что-то.

- Это моя вина, - сказал Сонгцэн. - Я хочу, чтобы ты здесь была в безопасности и чувствовала себя хозяйкой. И я этого добьюсь, даже если для этого придётся избавиться от всего гарема.

Сейчас вставал вопрос и о его власти. Да, он был младше рангом, чем его отец и дед, но это не означало, что шлюхи его Величества могли с ним не считаться. Более того, Сонгцэн знал, что убей он Калу, ему максимум выскажут недовольство, о чем эта гадина забыла. Или его слишком привыкли считать хорошим.

Яшви Садхир

Яшви металась по комнате, не зная, куда ей деть себя и куда выплеснуть накопившиеся внутри и оттого льющиеся через край эмоции, которых было слишком много, чтобы она могла их все в себя вместить. Велик был соблазн истерически заявить, что уж конечно, это не она виновата в том, что королевский гарем обнаглел настолько, что ставит себя выше невесты младшего принца, но это было просто нечестно по отношению к Сонгцэну, потому что он сейчас извинялся и принимал свою вину, а все, что хотелось Яшви, это бесноваться, потому что она просто не знала, как иначе справиться со своими чувствами. Если бы ей кто-то сказал, что можно побить подушку, чтобы стало легче, она бы искренне этому удивилась. Ведь правильная жена должна быть спокойной, приветливой и уметь себя всегда контролировать, помимо всех прочих добродетелей, которые им приписываются.

Она догадывалась о том, что будет непросто, когда она вернется в резиденцию в статусе невесты, что гарем, который и в прошлые разы воспринял ее в штыки, хотя не было никаких намеков на то, что между ней и принцем могут быть какие-то отношения, не успокоится, поняв тщетность своих интриг. Ей казалось, что она справится, ведь со всем же всегда справлялась, но она недооценила свои силы. Это оказалось сложно.

- Его Величество не торопится избавляться даже от одной своей наложницы, - натянуто ответила Яшви. Она знала, как Сонгцэн не любит обсуждать действия вождя и по совместительству своего деда. - Я бы предложила кого-нибудь отравить, если бы не понимала, что травить в этом случае будут меня.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

А Яшви сдерживалась, хоть и злилась. Сонгцэн считал, что решение деда в отношении Калы было слишком мягким, хоть и старался понять причины, которые к нему привели. Дед не считал проблему достаточно серьезной, хотя Кала проверяла границы дозволенного и их перешла дальше не уда.

- Он считает, что Кала, боясь за свою жизнь, сейчас начнёт контролировать других, - сказал Сонгцэн. - Если хочешь добиться дисциплины, назначь ответственным главного нарушителя.

Это было простое и понятное правило, только Сонгцэн не был уверен, что оно было справедливым для обитательниц серпентария, которые не привыкли к дисциплине. Он считал, что Кала должна была понести наказание за свой поступок, потому что она целенаправленно вредила Яшви и надеялась, что ей за это ничего не будет.

- Я с ним не согласен. Я избавлю дворец от гарема его Величества, - сказал Сонгцэн.

Яшви Садхир

- Сомневаюсь, что Кала переступит через свою ненависть и начнет набиваться мне в лучшие подруги и всячески оберегать, - скептически ответила Яшви. При всем уважении к его Величеству, Яшви считала, что он совсем не разбирается в гареме и его наложницах, раз считал, что своим решением заставит Калу кардинально поменять свое поведение. Скорее она затаится на какое-то время, чтобы шумиха улеглась, а потом возобновит свои интриги, но уже более обдуманные и

осторожные.

Яшви, наконец, устала метаться и опустилась на подушку у чайного столика. Первый гнев прошел, оставив после себя опустошенность и обиду, снова, как после поездки в Риван. Но если та поездка стала ее решением, то идея остричь гриву Ворону ей не принадлежала, и от того было только обиднее. Как и любой человек, в жизни никогда ничего не имевший, Яшви очень берегла все, что теперь могла назвать своим. Ворон принадлежал ей, по сути, это было единственным, что ей действительно принадлежало, по праву сильного, если это будет здесь уместно. Раз она убила его прежнего хозяина, то ей о нем и заботиться впредь.

Глаза щипало, а в горле как будто комок какой-то был, но больше всего Яшви боялась сейчас расплакаться и начать жаловаться, хотя желание сделать это было очень велико. Она очень хотела уехать, но понимала, что это будет воспринято как бегство после всех ее громких заявлений, что она может себя защитить. На самом деле она ничего не могла.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн подошел к Яшви, сел возле неё на подушки и обнял девушку за плечи. Он был согласен с ней в том, что не доверял Кале. И не считал страх смерти хорошей мотивацией для того, чтобы смириться и перестать вредить Яшви. Кала была опасна, а сейчас еще и затаила обиду. И противнее всего было то, что она была никем, в то время как Яшви - невеста принца, и должно было быть так, что одного слова Яшви достаточно, чтобы выгнать любую из наложниц на улицу. Но вместо этого дед решил отделаться строгим предупреждением.

- Кала затаит обиду, затихнет и приструнит остальных, - сказал Сонгцэн. - За это время нужно найти способ избавиться от гарема. И я этот способ найду.

Нужно было говорить с отцом, собирать информацию и думать, как вывернуть ситуацию против девиц. Их конфликт с Яшви не оказался для его Величества поводом изгнать Калу, но для Сонгцэна война только началась. И он планировал довести её до полной победы.

- Например, одна из близких подруг Калы давно не стесняется встречаться с командиром Раджем Шахом. Для начала стража может вломиться к ней и выяснить, почему наложница его Величества ночует не одна, - сказал Сонгцэн.

Яшви Садхир

Яшви прижалась щекой к плечу принца и закрыла глаза, чтобы не пропустить ни одной слезинки наружу. Она не может плакать сейчас, не имеет на это права, она должна быть сильной, стойкой и уверенной в себе, а не испуганной капризной девочкой. Все так навалилось сразу, все эти проблемы, большая часть которых от нее совершенно не зависела, но при этом они ее так или иначе касались, а некоторые - и доставляли ощутимые проблемы.

Сонгцэн принялся рассуждать о том, как избавиться от гарема, и Яшви поначалу только его молча слушала, потому что ей не хотелось ничего решать или делать. Ей хотелось притвориться слабой, сложить руки и сказать, что у нее лапки, а еще чтобы

ее пожалели, но при этом ей и самой было противно жаловаться.

- Это мерзко, - категорически заявила Яшви. Она ни при каких обстоятельствах не хотела уподобляться тем, кто позволяет себе так поступать. Или просто плохо себе представляла, как функционирует гарем, когда его Величество держит его только ради статуса, а не для прямого его назначения. - Вломиться в комнату наложницы его Величества или вломиться в комнату невесты принца Сонгцэна.

Яшви не вдавалась в подробности, кто из подруг Калы реально участвует в интригах, и здесь могли пострадать те, кто к этому не имел никакого отношения. Придирки и смешки ничего не значат, пока они остаются на словах.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не был сейчас столь щепетилен, потому что считал, что наложницы долго нарывались сами. И им долгое время многое сходило с рук, раз они обнаглели настолько, что пошли на явный конфликт с Яшви.

- Разница в том, что невеста принца Сонгцэна в это время с принцем Сонгцэном, а наложница его Величества его Величеству изменяет, - заметил он. - Как и практически все девицы из гарема. Если его Величество не считает гриву Ворона поводом выгнать Калу, нужно дать ему тот повод, смириться с которым он не сможет, не потеряв лицо. Если пару девиц так отправить в монастырь, остальные затихнут.

Он не слышал о том, чтобы у Калы был явный покровитель. Но он был уверен, что за ней можно было найти достаточно грехов, чтобы выгнать её из дворца заодно с подругами. Особенно если кому-то из них пригрозить, чтобы они сами поделились информацией о Кале. Сонгцэн не любил плести интриги, но считал, что в некоторых случаях они были необходимы.

Яшви Садхир

Это все равно было мерзко, врываться вот так...Разве это дело дворцовой стражи, а не дело его Величества, раз это ему изменяет какая-то, да даже гипотетически любая наложница?

- Мне кажется, его Величество об этом знает, и, если ничего не предпринял до сих пор, значит, его все устраивает, - предположила Яшви. О том, что у большинства наложниц есть какие-то покровители из боевых командиров или советников и других важных людей, знал, кажется, весь дворец. Сами наложницы это и не пытались скрывать или как-то прятаться, и, похоже, его Величество не видел в этом повода для собственного неудовольствия, иначе пресек бы подобные свидания. Или как минимум Прия-джи знала об этом, но встречи продолжались, и ничего не менялось наверняка уже целыми годами.

Но у Сонгцэна были хоть какие-то идеи, тогда как Яшви только отупело сидела рядом с ним, пытаясь делать вид, что успокоилась, хотя на самом деле это было не так. Но она не знала никакого способа воздействовать на Калу и других ее подпевал, кроме как отрезать им волосы, а то и не ограничиться одними волосами. Наложницы и интриги не были ее сильными сторонами. Ей вообще не хотелось говорить о

наложницах, хотелось абстрагироваться от этих проблем, и чтобы они какнибудь сами все решились. Разве что так никогда не будет.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Знает, и не обращает внимание, - ответил Сонгцэн. - Но после сегодняшней выходки Калы нужно сделать так, чтобы обратил.

Сонгцэн считал, что иначе ситуация походила на то, что наложницы имели реальную власть во дворце. Что они хотели, чтобы с их мнением считались, даже в тех вопросах, которые их не касались. И это его бесило. Он был согласен с тем, что дела дворца вела Аша Прия, что она следила за служанками и решала, когда менять шторы, а когда - постельное белье. И что подать на обед. Но ни одна наложница не могла подвергать сомнению статус Яшви как его невесты. И ни одна из них не должна была к ней задираться.

- Это ведь дикость: какая-то наложница смеет говорить от твоего имени и вредить твоему коню. Она ведь не считает, что я резко откажусь от свадьбы с тобой и воспылаю страстью к ней. Она проверяет, насколько она может быть безнаказанной, - сказал Сонгцэн. - Нужно объяснить ей, что не может.

Яшви Садхир

Кала считала, что Яшви здесь было не место, она чужая этому дворцу. Хуже всего было то, что Яшви и сама не считала себя здесь уместной, в этих залах, покоях и коридорах, среди ваз, картин и прочей красоты. Явилась из ниоткуда, ни рупии за душой, особой красотой не блещет, без рода и племени, но вдруг вылезла вверх, из грязи в невесты принца. И не сделала ничего особенного, чтобы обратить на себя внимание Сонгцэна. Здесь она чувствовала себя цветком чертополоха в розарии, и Кала неоднократно ей на это намекала.

- Я не знаю, что делать, - призналась Яшви. Она слегка отстранилась, чтобы взглянуть на принца. - Не знаю, как будет правильно. Я думала, что я просто должна терпеть и игнорировать, как делала это всегда, но сегодня я не сдержалась. Я так разозлилась.

Яшви редко когда позволяла себе ответные комментарии или действия, считала, что там опустится до уровня Калы, а потому предпочитала не обращать на нее внимания, что наверняка злило наложницу еще больше. И если бы не Ворон, то так бы дальше все и продолжалось, но Кала замахнулась на кусок, который не смогла откусить. Наверняка не рассчитывала, что Яшви ответит, да еще и так эмоционально. За эту эмоциональность Яшви себя уже винила, но от своих действий не отказывалась - сделала то, что посчитала справедливым и равноценным.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Если тигра дергать за усы, он укусит. И не потому, что он неправ и не сдержался, - сказал Сонгцэн, глядя на Яшви. - Ты все сделала правильно.

Яшви была объективно сильнее девиц из гарема. Она не привыкла ко всем склокам

и интригам, и поэтому Кала и ей подобные считали, что могут провоцировать конфликты. Но Сонгцэн как раз был уверен, что сегодняшний ответ Яшви был отличным решением, и то, что дед выступил хоть в какой-то мере против Калы, было небольшой, пусть и недостаточной, победой.

- Говори мне обо всех выходках наложниц, - попросил Сонгцэн. - Так дальше быть не может. Ты будешь моей женой, а те, кто не готов это принять и подчиниться, не должны оставаться во дворце. Это - мой дом. И я хочу, чтобы он также был твоим домом. Где безопасно и не нужно прислушиваться и оглядываться. Я привел тебя в этот дом, и я добьюсь того, что тебе здесь будет безопасно.

Яшви Садхир

- Но я не тигр, - растерянно заметила она. Лиса будет огрызаться, но не бросится, скорее, сбежит при первой же возможности, потому что мельче, осторожнее, и врагов у нее больше, чем у тигра. Или льва. Яшви не чувствовала себя загнанной в угол, у нее были пути отхода, она могла уехать в монастырь или клан, пусть даже ценой отношений с принцем, но вместо этого она выбирала быть с ним рядом и терпеть выходки наложниц, чем комфортное бегство от всех проблем.

- Мне что же, пересказывать тебе все, что я слышу от них в коридорах за своей спиной? - уточнила Яшви. Так и на целый трактат наберется, хоть в последнее время наложницы стали повторяться, по-видимому, исчерпав весь запас оскорблений и заковыристых сравнений с чертополохом, земляным червем, и прочими приземленными тварями.

На словах о доме Яшви снова почувствовала, как начинает неприятно щипать глаза, и потому спрятала лицо на плече Сонгцэна. Она даже не знала, где теперь ее дом. Здесь, во дворце, который был для нее слишком чужим и непривычным, где кровать казалась непривычно большой и мягкой, и где нужно было держать ухо востро, чтобы не сожрали с потрохами, или бескрайнюю степь, с горячим воздухом и раскаленным на солнце песком, с огромными табунами лошадей и груженными обозами, растянувшимися по одной только кочевникам известной тропе? Или монастырь, потерянный в горах Тибета, найти который может только тот, кому это суждено?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн крепче обнял Яшви, когда она уткнулась в его плечо. Она хотела быть сильной и самостоятельной, но ей было всего семнадцать лет, и она только училась тому, как постоять за себя. И это была его задача - следить за тем, чтобы его клан её принимал. И это был его промах, что он упустил гарем деда настолько, что Кала перешла в наступление.

- Можешь рассказывать все. Ведь они надеются, что ты будешь терпеть и молчать, - сказал Сонгцэн.

Он коснулся губами виска Яшви и стал гладить её по спине. Ему казалось, что она сейчас была похожа на напуганную кошку, которая собирается оцарапать и готова шипеть и кусаться. Но ей при этом было очень плохо. Это он был дома, она была на территории, где на неё снова и снова нападали кобры из гарема его Величества.

- Они завидуют. Они чувствуют, что могут лишиться привычной власти. Они пытаются тебя запугать. Но их здесь скоро не будет. А ты останешься, - сказал Сонгцэн. - Потому что ты будешь моей женой.

Яшви Садхир

Яшви поняла, что была слишком предсказуемой своим желанием не ввязываться в интриги и держаться от них подальше, именно этого от нее наложницы и ждали. Пытаясь быть незаметной и отстраненной, Яшви добилась того, что ее ни во что не ставили и не считали какой-то серьезной силой, с которой нужно было считаться, а потому позволяли себе так о ней отзываться и всячески портить жизнь, недоумевая, почему принц соблазнился кем-то непонятным вместо яркой и эффектной красавицы.

- Я их не боюсь, - ответила она. - Я устала, что мне постоянно нужно ждать от них какой-нибудь гадости. Как будто я не уезжала из Ривана.

Здесь, конечно, в нее не кидали камнями, но позволяли себе совершенно другие вещи - например, испортить гриву ее коню. Ее не называли бокши, но придумывали другие не менее обидные обзывательства и прозвища. Делали вид, что она пустое место или демонстративно отворачивались. Так что в целом разницы она особенной не чувствовала.

Сейчас она так сильно скучала по клану, что ей было почти больно от этого. Если - когда - лисы приедут, никто не будет к ней задираться. Клан Лис не очень силен, не богат и не влиятелен, но так она не будет чувствовать себя одинокой. У нее есть семья, которая будет рядом.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я знаю, что ты устала, - сказал Сонгцэн. - Это закончится. Ты на своем месте. И настанет время, когда никто не будет в этом сомневаться.

Он считал, что Яшви была единственной, кто, будучи его женой, могла оставаться собой. И быть полноценным партнером в том, чтобы менять жизнь в клане. Кто будет прямо ему говорить, когда он неправ. Не говоря уже о том, что именно она была той женщиной, рядом с которой он мечтал засыпать и просыпаться. Он сделал свой выбор, в котором не сомневался, и был готов воевать со всем миром, чтобы его выбор признали и приняли. И избавиться от тех, кто из-за своей ограниченности собирался нарываться на Яшви вместо того, чтобы её принять во дворце как будущую принцессу клана.

- Спасибо, что ты со мной, - сказал Сонгцэн.

Яшви было бы спокойнее, если бы она осталась с Лисами. Или она могла бы задержаться в монастыре, но она была в клане и терпела выходки Калы и остальных.

Яшви Садхир

И что бы ни говорил Сонгцэн, Яшви было сложно представить себе и убедить себя в том, что здесь, во дворце, действительно ее место. Ей намного комфортнее было в какой-нибудь невзрачной гэре, в примитивных условиях жизни без роскоши и каких-либо излишеств, то, к чему она привыкла. Возможность целый вечер лежать в горячей ванне, умасливать себя различными лосьонами и мазями и есть экзотические фрукты не перекрывало того, что Яшви была почти одна в месте, где ей были не рады. Рядом был Сонгцэн, ради него Яшви сюда и приехала, но он не всегда мог быть рядом - он не мог отбросить все свои дела и обязанности, чтобы денно и нощно следить, не цепляется ли кто к ней.

- Мне непросто далось это решение, - призналась Яшви. - Я не хочу о нем жалеть.

Пока она не могла сказать с абсолютной уверенностью, что решение приехать в Покхару было лучшим решением ее жизни, как хотелось бы сказать, потому что так она наконец-то могла быть с принцем. Яшви не нужна была эта свадьба, по крайней мере до тех пор, пока она бы не собралась рожать ребенка, а она сомневалась, что это случится в ближайшее время. Но она уступила здесь, потому что это было важно Сонгцэну, и он не видел иного формата их отношений. Хотя, нужно признаться, он не очень-то сопротивлялся, когда она пришла к нему посередине ночи в одной ночной рубашке, и потом, уже здесь в клане.

- Мне нужно сходить на конюшню. Хочу еще раз оценить степень вреда, нанесенный Калой. Я пообещала ей, что ее волосы послужат Ворону новой гривой.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я тоже не хочу, чтобы ты о нем жалела, - сказал Сонгцэн.

Он считал бессмысленным сейчас обещать, что сделает для этого все возможное и не только. Потому что и так сделает, и уже не справился, раз ситуация настолько вышла из-под контроля. И он злился не только на Калу и остальной гарем. Больше он злился на самого себя, что не обратил достаточно внимания, что не смог вовремя приструнить наложниц его Величества, чтобы у них и в мыслях не было портить жизнь Яшви.

- Сходить с тобой? - спросил Сонгцэн.

Он не думал, что волос Калы хватит, чтобы заменить гриву Ворона, но решение Яшви ему все равно нравилось. В этой ситуации оно было достаточно резким, чтобы устроить наложнице хоть какое-то показательное унижение. Раз даже его Величество не сделал пока ничего.

Сонгцэн надеялся на поддержку отца, потому что пока не мог придумать, что сделать в одиночку.

Яшви Садхир

- Да, если у тебя нет других дел, - согласилась Яшви. От отстранилась и поднялась с подушек, чтобы сходить за лентами в спальню, где они лежали в ящике туалетного столика. Это должно было быть довольно красиво - красные ленты на фоне вороного коня. Хотя, можно подумать, Яшви так переживала за его внешний вид и

готовила его к свадьбе, будто это Ворон собирался выходить замуж за принца, а не она сама.

- Я надеюсь, что грива хоть немного отрастет, чтобы можно было вплести в нее ленты, потому что сейчас там совсем коротко, - вернувшись с лентами в руке, сказала она. Яшви пока не думала что-то делать, просто хотела прикинуть, как это все будет смотреться вместе.

Волос, конечно, не хватит, чтобы возместить весь ущерб. Но с паршивой овцы хоть шерсти клок, и к тому же, думая о том, как Кала будет наблюдать за своими косами, превращенными в лошадиную гриву, Яшви испытывала мрачное удовлетворение. Она подозревала, что это только сделает еще хуже противостояние между ней и Калой, но Кала должна была понять, что заигралась и переступила черту, через которую ей не стоило бы заходить. Яшви не была изобретательной на выходки, но она была упрямой, и уж если что-то вбила себе в голову, то так просто от этого не отступалась.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я могу отложить дела, так что пойдём, - сказал Сонгцэн.

Он не хотел сейчас оставлять Яшви одну. А заодно планировал поговорить с конюхами о том, чтобы думали головой и не попадались на такие провокации. Потому что не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что Яшви не могла сама велеть, чтобы Ворону остригли гриву. И тем более не послала бы с поручением на конюшню никого из девиц. Она сама занималась своим конем, и задача конюхов обычно сводилась к тому, чтобы кормить, поить, менять подстилку и выводить на выгул. Сонгцэн не мог себе вообразить ситуацию, чтобы пришла какая-нибудь Кала, сказала конюху остричь гриву Селене или Аббасу, и тот бы без вопросов согласился. При том, что у Кобр не было характерного для Лис суеверия о том, что у лошади в гриве ее сила.

- Мне кажется, что можно ускорить рост гривы с помощью энергии врачевания, - сказал Сонгцэн. - Я никогда так не делал, но можем попробовать. Ворону это не навредит.

Яшви Садхир

Яшви обрадовалась, что Сонгцэн мог отложить свои дела, чтобы сходить с ней. Они не виделись весь день с того момента, как после завтрака он уехал в клан Тигров, а она занималась учебой. К тому же ей не хотелось идти туда одной и снова переживать неприятные минуты, когда она увидела Ворона без привычной густой гривы. Она не боялась, что, пойдя она одна, к ней опять прицепится кто-то из наложниц, чтобы отомстить за опозоренную Калу - у сцены в одной из комнат гарема были свидетели, которые будут пересказывать произошедшее с разнообразными, порой даже самыми фантастическими подробностями, но ей было намного спокойнее в компании принца.

- Я не буду против, если это не навредит тебе или Ворону, - ответила она. Яшви плохо разбиралась во врачевании и в этих вопросах привыкла доверять Сонгцэну, который не раз демонстрировал довольно высокий уровень познаний этой сложной

способности. Сама она понимала ее полезность, но пока не стремилась изучать, потому как сначала хотела разобраться с другими своими проблемами. Которые все не заканчивались, а только прибавлялись. - Думаешь, это не сложно?

Она забрала ленты и пучок волос и вышла из своих покоев в коридор, где опять несколько служанок делали вид, что убираются, хотя Яшви точно была уверена, что они убирались здесь и час назад, когда она уходила в конюшню.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Волосы относятся к коже, за неё отвечает фиолетовая энергия, - сказал Сонгцэн. - Я думаю, что если передать коже больше этой энергии, они будут расти быстрее. Но пока не знаю, насколько это будет заметно.

Фиолетовая энергия могла быстро вылечить какую-нибудь сыпь и другие проблемы с кожей, но остриженная грива не была проблемой, просто избыток ци мог быть направлен на ту работу, которую иначе организм бы проделывать не стал. Примерно так Сонгцэн стал бы восстанавливать ресницы или брови после ожога, но в любом другом случае, если не считать сегодняшний, он считал бы блажью тратить ци на то, чтобы ускорять рост волос.

- Если не справлюсь, и к свадьбы мы не сможем вплести Ворону волосы в гриву, пострижем Аббаса, - сказал Сонгцэн, когда они вышли в коридор. - Будут с одинаковыми прическами, а потом пусть отращивают наперегонки.

В последнее время Аббас стал его основным конем, они почти договорились. Рысак был темпераментным, но не вредным и не пугливым.

Яшви Садхир

- Никогда! - горячо воскликнула Яшви, услышав, что Сонгцэн хочет сделать с Аббасом, если грива Ворона не успеет отрасти. - Хватит и одного остриженного коня, ты же знаешь, какая роскошная грива у Аббаса.

Серебристая, словно река под лунными лучами, длинная-длинная и гладкая, как отрез шелка, и отрезать ее стало бы преступлением. Яшви бы серьезно задумалась, стоит ли ей выходить замуж за человека, который вот так может отстричь такую красоту боевому коню. Это будет самая необдуманная глупость за всю историю существования Непала.

Девушка все же надеялась, что к концу месяца грива отрастет настолько, что в нее можно будет вплести ленты и волосы, ведь нужно было не так уж и много, чтобы просто завязать ленту вокруг короткой прядки, а дальше плести ее уже с волосами Калы. Никто не заметит, что своей гривы у него почти не осталось, если скрыть этот недостаток под сложным плетением. Уж косы-то Яшви плести умела.

Она вдруг остановилась посередине коридора, осененная догадкой, и озадаченно посмотрела на принца.

- Я поняла, что во всех этих свадебных платьях не смогу сесть на Ворона. Там же юбки.

Яшви обычно ничего не имела против юбок и платьев, но предпочитала мужскую одежду, потому что она была намного удобнее, а до красоты надеваемого ей не было никакого дела. И к необходимости менять на церемонии аж несколько нарядом отнеслась довольно спокойно, но лишь до того момента, пока не сообразила, что ни один из этих нарядов не предназначен для верховой езды. А ездить боком по-женски на женском седле она считала извращением и дикостью.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэну показалось, что за гриву Аббаса Яшви переживала больше, чем за собственную безопасность. Хотя грива - даже не хвост, отрастет со временем без особых проблем. Сонгцэн не знал, как именно будет проходить церемония, потому что в его роду никто, кроме его отца, не связывал себя официальными узами брака. А там была своя специфика, потому что Тигры придерживались ханьских традиций.

- Если в какой-то из дней нам понадобится ехать верхом, мы придумаем, как тебе будет удобно, - сказал Сонгцэн.

Он подумал, что Яшви не согласится на самый простой для юбки вариант - женское седло. Сам он с трудом представлял, как в таком можно ехать, а в клане женщины в принципе не тяготели к верховой езде.

- Например, удобные тебе брюки и очень широкая юбка, которая не будет мешать. Вряд ли она испугает Ворона, - предположил Сонгцэн.

Он во все дни свадьбы мог быть в военной форме, которая совершенно не мешала тому, чтобы ехать верхом.

Яшви Садхир

Следом за осознанием, что она не сможет сесть на лошадь, не порвав по швам все эти юбки, пришло понимание, что она в принципе плохо себе представляет, как проходят свадьбы принцев, и руководствовалась, в основном монгольскими традициями, когда молодожены приезжали к новому гэр, в котором должны были жить после церемонии, верхом - невеста на белой кобыле, а жених на вороном или гнедом жеребце. Менять Ворона ни на какую другую лошадь даже на время торжества Яшви не собиралась ни при каких обстоятельствах, но, получалось, что и ехать никуда не нужно было.

- Зачем тогда мне вообще юбка нужна будет? - спросила Яшви, хотя и подозревала, что вряд ли принц знает ответ на этот вопрос, потому как у него никогда не возникало необходимости в присутствии юбки. Монгольские кочевники ездили в специальном запашном халате для верховой езды, и под ним всегда были брюки, а мужской и женский халат не очень отличались. Хотя и они не были в прямом смысле юбками или платьями.

- Если можно просто ехать в брюках? Может, мне спросить об этом Прию-джи? - добавила она, чтобы не ставить Сонгцэна в неудобное положение. Она заметила, что женщины в клане Кобр не ездили верхом, а Бо-джи не носила женского костюма.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн задумался. Ему казалось, что было логично, когда невеста на свадьбе в платье. Но после вопроса Яшви он понял, что не может точно понять, почему так. Как не был уверен в роли лошадей во время церемонии. Он усмехнулся.

- Знаешь, я думаю стоит вообще спросить Ашу Прию, что планируется на церемонии. Потому что я толком не знаю, - сказал Сонгцэн. - Знаю, что все это длится три дня. И что будет куча народу.

Для него свадьба была лишь церемонией, которую нужно перетерпеть, чтобы после этого Яшви официально стала его женой. Ему было без разницы, как проходят все обряды и церемонии, кого им предстояло слушать, от кого принимать поздравления и что им будут дарить. Чуть больше он интересовался тем, когда от ни в итоге отстанут, но при этом был готов держать лицо и соглашаться на все, что велют. Если только не потребуют показывать простыню или полотенце, но, насколько знал Сонгцэн, эта часть церемонии зависела от его матери. И она не станет ставить Яшви в неловкое положение.

Яшви Садхир

- Она руководит подготовкой к свадьбе? - очень своевременный вопрос, когда до свадьбы остаётся всего месяц, наряды почти все пошиты, гости наверняка приглашены и дожидаются назначенной даты, а во дворце вовсю идут приготовления. Яшви даже не знала, на какое конкретно число назначена эта знаменательная дата, потому что ей было все равно, в какой день недели выходить замуж, сказала только, что пусть это будет в декабре, и все.

Она покорно мерила все платья, которые ей приносили, стояла перед зеркалом, рассматривая непривычную себя в этих разноцветных (преимущественно красных и зеленых по непальской традиции) нарядах, соглашалась, что здесь надо убрать, тут добавить, а там нашить еще больше золотого бисера и какой-то еще мишуры, и не имела ни малейшего представления о том, какие цветы она хочет видеть в качестве украшений во дворце. Все равно какие, лишь бы было красиво.

- Служанки, которые чаще всего бывают в моих покоях, что-то такое говорили о свадьбе, но я их не слушала, - призналась Яшви. Наверное, стоило чуть больше проявлять заинтересованности в таком-то событии, но Яшви никогда не представляла себе, как она будет или как хочет выйти замуж и какой непременно должна быть ее свадьба, и поэтому не особо об этом думала.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Это был еще один сложный вопрос. Сонгцэну никто не говорил, что подготовкой свадьбы занималась Аша Прия. Просто кто, как не она. Не мама же, которой все эти церемонии были не интересны. У деда и отца были дела поважнее, а вот Аша знала, как все сделать в лучшем виде. Яшви уже шили наряды, значит, кто-то занимался этой свадьбой. И вообще стоило поинтересоваться подготовкой.

- Ну, вообще она должна руководить, - ответил Сонгцэн. - Она обычно занимается официальными мероприятиями.

Жизнью дворца руководила именно Аша Прия. Она командовала служанками, она была единственной наложницей, обладавшей реальной властью, и она всегда знала чуть больше, чем все остальные. За исключением разве что мастера Раджа. К слову, с ней стоило поговорить и о том, как так получилось, что Кала пошла на открытый конфликт с Яшви. Даже если Аша Прия не могла этому помешать сама, она могла сообщить о своих наблюдениях Сонгцэну, его отцу, или вождю.

Яшви Садхир

Яшви поняла, что Сонгцэн тоже не очень хорошо знает, кто всем этим занимается. Обычно подготовкой свадьбы занимались родители невесты, но Лисы сейчас были слишком ослаблены, чтобы подготовить еще одну свадьбу. Им было не до этого, было главным сейчас выжить после изнурительной битвы с Шакалами. Яшви это понимала и принимала, и потому не держала обиды на клан. Собственная свадьба по сравнению с возможностью клана существовать и дальше казалась ей несущесвенной мелочью.

- Хорошо, я спрошу ее, - ответила Яшви, чтобы хотя бы иметь представление, к чему быть готовой. Вряд ли это какая-то тайна или сюрприз, что Прия-джи сделает загадочное лицо и ничего не скажет аж до самого дня свадьбы.

Она уже пришла на конюшню. Лошади выглядывали из денников в надежде, что им дадут что-нибудь вкусное, но Яшви взяла только пару мелких яблок из ящика у входа. Так она думала хотя бы частично загладить вину перед Вороном. Еще была очень призрачная надежда, что все это ей приснилось, и грива у него на месте, но нет, она была все такой же короткой, когда Яшви увидела коня. Сам он, конечно, не выглядел как то иначе, но было непривычно видеть его таким.

- Ужасно, - это относилось к обновленной гриве. Яшви отдала Ворону яблоки и открыла ворота денника, чтобы зайти внутрь. Она погладила коня по стройной шее и провела рукой по ежику жестких черных волос. - Здесь совсем не за что закрепить ленты.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн подошел к Ворону, который выглядел очень непривычно с короткой гривой. Впрочем, сам конь расстроенным не выглядел, хотя его хозяйку можно было понять. Сонгцэн зашел в денник следом за Яшви и погладил коня по черной лоснящейся шее. После сегодняшнего происшествия можно было не сомневаться, что с него все будут сдувать пылинки, лишь бы не гневить невесту принца еще сильнее.

Сонгцэн провел ладонью вдоль остриженной гривы, затем коснулся пальцами шеи коня под волосами и направил на кожу фиолетовую энергию. Он смотрел за тем, как эта ци примешивалась к гриве жеребца. Пока не было видно никакого эффекта, но Сонгцэн и не ожидал, что грива станет быстро расти на глазах. Он перемещал руку вдоль шеи Ворона, чтобы фиолетовое свечение было равномерным. Эта энергия была довольно сложной, и работа с ней требовала концентрации. Фиолетовый цвет относился к Сахасраре, до неё ци должна была пройти весь путь от Муладхары вверх по Сушумна-нади.

Ворон никак не реагировал на этот эксперимент. Значит, он как минимум не испытывал никакого дискомфорта.

Яшви Садхир

Сонгцэн ничего не ответил, но по тому, каким сосредоточенным и серьезным стало выражение его лица, и как он медленно вел ладонью по шее Ворона вдоль самой короткой гривы, Яшви поняла, что не стоит сейчас ему мешать и ожидать от него какого-то ответа. Она отошла чуть назад, к боковой стенке денника, давая Сонгцэну больше свободного места, и не отвлекая его от работы.

Внешне с Вороном ничего не происходило, грива не начала расти, словно безумная, прямо на глазах, как, если честно признаться себе, Яшви надеялась в глубине души, но то, что конь хотя бы не шарахался и не пытался уйти от этого прикосновения, говорило о том, что неприятных ощущений у него никаких не было, и это уже было хорошо. Вредить коню еще больше Яшви бы не хотелось.

Постоянно складывающиеся определенным образом обстоятельства откровенно намекали на то, что врачевание лучше изучать, чем не изучать, способность была очень полезной, и, как все больше понимала Яшви, достаточно универсальной, но она пока боялась за нее браться, опасаясь, что не сможет осилить все то, за что взялась. Пока уроки с наставниками, когда она пыталась освоить хотя бы школьную программу, отнимали у нее много сил и времени. На все остальное этих ресурсом могло просто не хватить.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн видел, как вплетается фиолетовая ци в ауру коня, проникая в кожу и становясь там более яркой. Он знал, что она начала работать, но понятия не имел, как быстро и насколько явно проявится эффект. Он убрал руку, чтобы перевести дыхание и уравновесить ци в собственном теле. Грива не была вопросом жизни и смерти, насколько бы важной её ни считали монголы, не стоило вкладывать слишком много энергии, когда до вечера не будет возможности лежать и отдыхать.

- Я не знаю, как быстро подействует эта энергия, - сказал Сонгцэн. - Может, будет сегодня заметно, может, через пару дней.

Он никогда не делал ничего подобного, только доверял логике и интуиции и был уверен, что не навредит Ворону с этим экспериментом.

- Хочешь, поедem гулять? - предложил Сонгцэн. - Я могу уехать на пару часов, но потом должен вернуться.

Яшви Садхир

Внимательно наблюдая за действиями Сонгцэна, Яшви продолжала молчать и не двигаться, как будто боялась, что любое ее неосторожное движение отвлечет его, и принцу нужно будет или настраивать снова или начинать заново. Но он вскоре закончил, хотя видимого эффекта это не дало. Яшви все равно была благодарна Сонгцэну за эту попытку, даже если результат не оправдал ее чересчур завышенные ожидания.

- Спасибо, - сказала она. Если грива не отрастет, она, конечно, расстроится, но в том не будет вины Сонгцэна, и его Яшви не винила, хотя он и извинялся за то, что допустил подобную ситуацию. Не его рука держала ножницы и не он приказывал гриву остричь, да еще и как можно покороче.

Она задумалась над вопросом принца. Перед тем, как увидеть испорченную гриву, Яшви хотела съездить на знакомую уже поляну и получше познакомиться с кукри, но потом это желание у нее начисто отшибло. Но в тот момент у нее не было компании Сонгцэна.

- Поедем к озеру ненадолго, - решила Яшви, снова проводя рукой по шее коня. - Ты можешь поучить меня магии воды?

Она не кобра, никогда ею не станет, но она может научиться магии воды, чтобы у нее были хоть какие-то еще аргументы в этом противостоянии с Калой, которая была уверена, что Яшви здесь не место. А в следующий раз, может быть, не придется что-то ей отрезать, и будет достаточно вылитого на нее кувшина воды.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн считал, что Яшви могла научиться магии Воды. Он чувствовал, что эта стихия ей близка и интуитивно понятна, хотя прежде девушка не высказывала явное желание учиться этой магии. Но сейчас это как минимум был хороший повод отвлечься от проблем с гаремом его Величества.

- Могу, - согласился Сонгцэн. - Давай тогда собираться, чтобы было время на тренировку.

Он снова посмотрел на гриву Ворона, которая пока не менялась, хотя в ауре оставался избыток фиолетовой ци. Сонгцэн вышел из денника и пошел к Аббасу, который даже почти радостно его приветствовал, хотя ничего не получил за такую преданность. Сонгцэн не хотел терять время на поиски яблок или сахара, которые всегда были где-то на конюшне. Он взял первый попавшийся недоуздок и надел его на рысака, чтобы поставить коня на развязку. Аббас отдохнул после поездки в клан Тигров, но при этом не успел извлекаться, что существенно ускоряло сборы на прогулку.

Яшви Садхир

Яшви кивнула и убрала пучок волос и ленты в карман куртки, чтобы они ей не мешали собирать Ворона. Было непривычно не видеть гривы Ворона, которая всегда падала ему на глаза, и потому конь часто стряхивал головой, чтобы сбросить эту прядку с морды. Сейчас он тоже так делала по старой привычке, но упрямая черная прядка больше ему не мешала. Яшви погладила коня по бархатистой морде и коснулась лбом его лба. Она чувствовала себя так, словно предала его, допустив подобные изменения в его внешнем виде, хотя, по большому счету, ведь это всего лишь грива, которая затем отрастет, через год, может быть. Не сказать, чтобы Яшви прямо так уж верила, что если остричь коню гриву, его сила пропадет, но в этой старой традиции или легенде было что-то очень для нее привлекательное, чему она хотела следовать.

Они быстро собрались. Яшви не думала уезжать далеко от резиденции, можно было найти какой-нибудь пологий берег поближе к дворцу, но так, чтобы им никто не мешал и не отвлекал от тренировки. И было очень приятно вырваться из этого змеиного гнезда, потому что пребывание здесь с каждым днем становилось для Яшви все более напряженным и безрадостным. Она мечтала о том дне, когда они, наконец, уедут в монастырь или степь, но не знала, когда это случится, потому что впереди были еще долгие месяцы, если не годы обучения с наставниками, прежде чем она закончит школьную программу.
